

НОВАКОВ С. З. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ БОЛГАРСКИХ И ГАГАУЗСКИХ СЕЛ ЮЖНОЙ БЕССАРАБИИ (1857-1918). – КИШИНЕВ, 2004.

Монография доктора истории Савелия Захаровича Новакова задумана как продолжение проведенного в 1960-е годы И. И. Мещеряком исследования социально-экономического развития болгарских и гагаузских сел Южной Бессарабии, хронология которого – 1808-1856 гг.¹ С другой стороны, – как обобщение серии работ самого автора, посвященных данной проблематике.

Работа С. З. Новакова базируется на обширном архивном, статистическом и литературном материале, часть из которого впервые вводится в научный оборот, другая – является малоизвестной. Опубликованные автором в приложении и в тексте исследования архивные данные («Сведения о землепользовании, народонаселении по Управлению задунайскими переселенцами Кагульского уезда Бессарабской области на 1853 год»; «Сведения о благосостоянии колоний Болгарского водворения по состоянию на 1 января 1852 г.»; «Ведомость о народонаселении болгарских волостей и числе детей, обучающихся в училищах. Январь 1877 г.» и др.) имеют самостоятельную ценность, являясь важным подспорьем для исследователей различных сторон истории и культуры болгар и гагаузов Бессарабии. Широта и репрезентативность вводимого в науку материала уже сами по себе дают право говорить о монографии С. З. Новакова как о важном вкладе в исследования истории балканских этнических общностей Украины и Молдовы.

Однако только этим не ограничивается ценность книги С. З. Новакова. Автор детально освещает ключевые моменты истории задунайских переселенцев и их потомков во второй половине XIX – начале XX вв.: раздел юго-западной части Бессарабии между Россией и Молдовой в 1856 г., лишение болгар и гагаузов статуса колонистов, буржуазные реформы в Подунавье, аграрное перенаселение и изменения в землепользовании и системе земледелия, Столыпинскую аграрную реформу и переселение в Сибирь, а также анализирует последствия этих событий для эволюции хозяйственной деятельности и, в целом, для исторических судеб болгар и гагаузов Украины и Молдовы.

В монографии С. З. Новакова анализируется роль балканских этнических общностей в хозяйственном освоении и развитии Южной Бессарабии, этническое взаимодействие в сфере материального производства и культуры между представителями различных народов края: болгарами, гагаузами, молдаванами, украинцами, немцами, русскими, евреями. Исследованные им малоосвещенные в науке процессы социально-экономического развития болгарских и гагаузских поселений в период утверждения капитализма дают возможность не только глубже понять исторический процесс в указанном регионе, но и использовать опыт предков в сегодняшней практике, в период, который также характеризуется сломом привычных форм социальных и экономических отношений.

Критическое отношение в монографии С. З. Новакова вызывает, на наш взгляд, два принципиальных момента. Исследование хозяйства населения, если оно имеет традиционный, натуральный или полунатуральный характер, а также его культуры и истории, если она сравнительно недалеко от современности и даже сохраняется в памяти ныне живущих, для наиболее полного раскрытия предмета, должно опираться на два вида источников, с одной стороны, – на нарративные (документы, статистику, материалы переписей, опубликованные или хранящиеся в архивах), а, с другой, – на этнографические материалы и методы, которые позволяют оживить и уточнить картину, восстанавливаемую на основе анализа первой группы источников. С. З. Новаков же, собрав и

блестяще проанализировав первую группу источников, по сути, игнорирует возможности этнографии для реконструкции хозяйства и культуры в целом балканских этнических общностей Южной Бессарабии. Это не только ограничивает анализ автора, но порой приводит его к досадным недоразумениям.

Так, опираясь исключительно на данные статистики, которые показывают, что в 1858 г. на юге Бессарабии было 5146 семей болгар и гагаузов, а в 1859 г. уже 11076 семей, С. З. Новаков утверждает, что за этот год «патриархальная семья» у этих народов стала распадаться (с. 74-75) или даже распалась (?!): «После 10-й переписи податного населения в феврале 1859 г. произошел раздел больших семей на малые» (с. 105). Трудно определить причины столь разительного изменения статистики количества семей, зафиксированных у задунайских переселенцев, однако, совершенно очевидно, что за один год не могли произойти такие принципиальные изменения в структуре семьи колонистов. Более того, этнографические исследования показывают, что в этот период вообще не происходит каких-либо существенных подвижек в семейно-родственной организации болгар и гагаузов, а распад семейной общины представлял собой процесс, растянутый на десятилетия, причем существенные изменения в структуре семьи происходят не только не в середине или даже в конце XIX в., а в середине или во второй половине XX в.² Ярким выражением данной тенденции в работе С. З. Новакова является игнорирование им многочисленных работ по этнографии болгар и гагаузов, в частности анализирующих и традиционные формы хозяйства, выпавших за последнее время на Украине³.

Благодаря сугубо «историческому» подходу несколько утрируется, на наш взгляд, и общая концепция автора в отношении развития хозяйства в Южной Бессарабии. Его взгляды можно интерпретировать так, что эволюция хозяйственной деятельности задунайских переселенцев была практически полностью обусловлена внешними, по отношению к самим колонистам, факторами. Получив большие наделы земли, болгары и гагаузы начали активно развивать скотоводство, рост населения привел к сокращению сельскохозяйственных площадей, в частности, пастбищ и переориентации переселенцев и их потомков на зернопроизводство, дальнейшее аграрное перенаселение вызвало развитие более эффективного виноградарства, – так считает автор исследования. Не отрицая в целом верной оценки направления развития хозяйства, тем не менее, следовало бы подчеркнуть, что в самой культуре болгар и гагаузов имелись глубокие традиции во всех упомянутых сферах сельского хозяйства (о чем свидетельствует хотя бы развитая терминология, принесенная ими еще с Балкан), лишь наличие которых позволяло высокоэффективно переориентировать направления деятельности.

Вторым моментом, заслуживающим критического отношения, является идеализация болгарского населения, эмоционально рисуемого исключительно в самых положительных красках, а все обстоятельства их истории, – как злой рок, который их неотступно преследовал, и в нечеловеческой борьбе с которым пробивал себе дорогу болгарский дух. Впрочем, подобный пафос весьма характерен для болгарской историографии вообще. Однако подобная идеализация и романтизация истории и роли в ней болгарского народа не всегда оказывается безобидной и зачастую не только ведет автора к противоречиям, но и может оскорбить национальные чувства других народов, также как и болгары, заслуживающих уважительного отношения к себе.

Среди подобных противоречий можно заметить характеристику природно-географических условий Буджака. В одном месте он пишет о крае, как о «безводной полупустынной местности с экстремальными климатическими условиями, для хозяйствования и выживания в которой нужно было постоянное покровительство и поддержка со стороны правительства» (с. 62), в другом, правда только о половине колоний, отошедших в 1856 г. к Молдавскому княжеству, но, тем не менее, – о «благоприятных во всех отношениях условиях для хлебопашества, садоводства,

виноградарства и виноделия, пчеловодства и шелководства» (с. 70). Разница, как видим, – разительная. Даже выращиванию бахчевых культур, как известно, хорошо приспособленных к аридному климату, по С. З. Новакову, «препятствовала сама природа края» (с. 127).

В одном месте С. З. Новаков, подчеркивая тем самым заслуги колонистов в освоении степи, пишет о «символической помощи со стороны правительства» (с. 23), или даже: «единственной «привилегией» болгар, гагаузов и молдаван... был нелегкий труд, порой не приносивший плодов» (с. 211), по другим сюжетам, приводимым в самом же исследовании, оказывается, что льготы, предоставленные болгарам и гагаузам, были отнюдь не символическими (наделение в вечное потомственное пользование казенной землей в очень значительных размерах [50 десятин на семью] (с. 79), денежные и натуральные ссуды от правительства с льготными условиями погашения (с. 81), необременительные платежи в пользу государства (с. 57-58), освобождение от воинской повинности (с. 63) и др.), не случайно лишение их этих льгот в Молдавском княжестве, а позднее и в Российской империи вызвали бурю возмущения колонистов.

Отметим в связи со сказанным, что С. З. Новаков совсем не замечает в монографии присутствия среди описываемых им задунайских колонистов албанцев, хотя и немногочисленной группы, составлявшей, тем не менее, основное население одного села – Каракурта, вошедшего в исследование автора как «болгарское» (с. 43). Более того, вероятно, являясь сторонником «болгарской» гипотезы происхождения гагаузов, он игнорирует этническую специфику этого народа, составляющего значительную долю от общего числа болгар и гагаузов. Например, приводя названия различных предметов хозяйства и быта у задунайских переселенцев, С. З. Новаков лишь в одном месте, наряду с болгарским, упоминает и гагаузский термин: болг. *царвули*, гаг. *чарыки* «мужские постолы» (с. 145). Во всех остальных случаях – только болгарские: *диканя* (с. 106) (следовало бы добавить гаг. *дювень*) «орудие обмолота зерна»; *кратуна* (с. 129) (гаг. *сусак*) «бутылочная тыква; горлянка»; *сукман* (с. 142) (гаг. *чукман*, *фистан*) «платье»; *баница* (гаг. *кыйырма*, *пидя*) и *пацинда* (с. 414) (гаг. *гьозлемя*) «выпечка из пресного теста и брынзы» и др.

Тем не менее, несмотря на высказанные замечания, не вызывает сомнения, что монография С. З. Новакова войдет в список классических исследований по истории и культуре болгар и гагаузов Южной Бессарабии.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Мещеряк И. И. Социально-экономическое развитие болгарских и гагаузских сел в Южной Бессарабии (1808-1856). – Кишинев, 1971.

2. Шабашов А. В. До реконструкції типології сім'ї болгар і гагаузів Південної Бессарабії у 10-х – 60-х роках ХІХ ст. 2. Типологія та еволюція сім'ї у болгар і гагаузів // ЗІФ. – 2003. – Вип. 13. – С. 59-60.

3. Из таких работ отметим: Очерки истории и этнографии села Кирнички в Бессарабии. – Одесса, 1998; Шабашов А. В. Гагаузы: система терминов родства и происхождение народа. – Одесса, 2002. – С. 537-570; Чийшия: очерки истории и этнографии болгарского села Городнее в Бессарабии. – Одесса, 2003.